

Социальные процессы в советской деревне в контексте мобилизационной модели экономического развития**

Тысячелетиями и веками человечество развивалось в рамках аграрной цивилизации, где сельское хозяйство являлось основой жизнедеятельности, жизнеобеспечения и функционирования всего общества — независимо от этносоциокультурной, религиозной, геополитической и т.п. специфики стран и народов, а подавляющее большинство людей проживало в сельской местности. Некоторые исключения квазигородских цивилизаций древности и средневековья лишь подтверждают правило: они основывались на торговле и ремеслах, но жили за счет интенсивного обмена с окружающими их аграрными странами.

В эпоху индустриальной модернизации судьба деревни во всех странах оказалась предрешена: промышленность превращалась в доминирующую сферу экономики, на определенном этапе смены технологий развернулась индустриализация и самой деревни, крестьянство как сословие средневековья и доминирующий производитель сельхозпродукции сменялось фермерством — социально-экономической категорией капиталистической эпохи. Новые формы организации аграрного производства и рост производительности труда в сельском хозяйстве, с одной стороны, вытесняли «лишние» рабочие руки из села, а потребность в «рабочей силе» промышленности и других городских отраслей, с другой стороны, «втягивали» сельских жителей в быстрорастущие города. Урбанизация — превращение общества из сельского в городское — являлась социальной стороной процесса превращения аграрного общества в индустриальное. Темпы этих процессов в разных странах различались, но сами тенденции оказались универсальными, распространяясь от западных центров индустриальной модернизации к окраинам Европы и далее к мировой периферии — бывшим колониям и зависимым странам.

Россия оказалась в «промежуточном», втором эшелоне индустриальной модернизации. Она вынужденно развивалась по пути догоняющего развития, форсируя его темпы, заимствуя опыт, формы организации экономической и социальной жизни, технологии Запада, чем во многом и обусловлен весь драматизм исторического пути нашей страны в новой и новейшей истории. Ведь отставание в экономическом развитии озна-

* © Сенявский А.С., 2011

** Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 10-01-00348а.

чало угрозу безопасности, самому существованию российской государственности и даже российской цивилизации в далеко не дружественном внешнем окружении, которое сопровождало Россию в течение всей ее истории. А насильственное форсированное «вламывание» в традиционную жизнь общества, слом его устоявшихся форм и уклада, вызывало огромную социальную напряженность, которая усиливалась деятельностью активных социально-политических сил в рамках элиты и «образованного общества», расколотых по вопросу о путях развития страны. Одни звали в будущее, но чужое, другие – в свое, но прошлое. С последней трети XIX в. европеизированный капитализирующийся город постепенно все больше стал противостоять традиционной общинной деревне, которую также разъедали новые веяния. Но даже в конце XIX века аграрная экономика доминировала, а горожане составляли около 12% от всего населения. Поэтому именно нерешенный (и десятилетиями не решавшийся, а только обострявшийся аграрный вопрос) оставался главным предметом напряжения в обществе и источником революционных потрясений.

История России XX века – это история неизбежно уходящей в прошлое деревни, подчиненной «ходу вещей», история страны, переживавшей переход от преимущественно аграрной экономики к индустриальной, от доминировавшей сельской системы расселения – к городской, от деревенского образа жизни – к урбанизированному. Это история вытеснения ранее преобладавшей в обществе социальной категории – крестьянства – городскими слоями. Короче говоря, это история перехода от преимущественно аграрного к индустриальному, от сельского к городскому обществу со всеми вытекающими для деревни последствиями: вытеснением на вторые роли в области экономики, социальном статусе, месте в социальной структуре, образе и качестве жизни, проникновением индустриальных и «урбанизированных» явлений в село и т.д.

И неизбежность, и драматизм этого перехода понимали многие. В России он осуществлялся в контексте грандиозных трансформаций и социальных потрясений: отмены крепостного права Великой реформой 1861 г., становления капитализма и осуществления имперской либерально-консервативной модернизации страны с доминирующими тенденциями ориентации на западные образцы (реформы Витте, Столыпина). Он шел в контексте революций 1905 и 1917 гг. не только как следствие успехов капиталистической трансформации традиционного общества и порожденных ею противоречий, но и как форма сопротивления традиционного общества наступлению либеральных западных ценностей и форм организации жизни.

Трудно определить начальный рубеж грандиозного процесса трансформации российского общества из аграрного состояния в индустриальное, из сельского в городское. До 2-й половины XIX века процесс шел медленно и эволюционно, в XX веке – форсированно, радикально,

скачкообразным и взрывным образом, особенно в 1930-е — 1970-е годы. И это не случайно.

Имперская либерально-консервативная модель развития, имея ряд конкретных успехов на пути индустриальной модернизации, в целом обернулась стратегическим провалом, ибо привела к революционным потрясениям, а в 1917 г. — к развалу государства, страны, существовавшей системы.

Россия как государство и цивилизация воссоздавались уже иными социально-политическими силами и на иных социально-экономических и политических основаниях. Однако леворадикальные силы в лице партии большевиков, пришедшие к власти и победившие в Гражданской войне, встав на позиции государственников, вынуждены были решать все те же проблемы индустриальной модернизации, однако в стране, разоренной Первой мировой и гражданской войнами, отброшенной разрухой в экономическом развитии на десятилетия назад.

Именно общественная система, сформированная после 1917 года, являлась той средой, в рамках которой, собственно, и проходили основные стадии индустриального и урбанизационного «переходов» страны. Большинство городов как полифункциональные поселения с экономической структурой, базирующейся на индустриальных отраслях производства, сформировались, приобрели свой социально-экономический статус городского поселения уже при советской власти. Так, к 1989 г. на территории СССР за годы советской власти было образовано более 1300 городов при общей численности 2190, то есть почти 2/3 всех городов, и в основе их образования также лежали преимущественно экономические процессы. Остальные, сохранившиеся с дореволюционных времен, радикально изменились по своему месту в обществе, функциям, численности жителей, градообразующим составляющим и другим параметрам.

Вместе с тем преемственность советской индустриализации и урбанизационного процесса относительно дореволюционных была в значительной степени неизбежной в силу географических, геополитических, социокультурных и ряда других условий. Этот комплекс объективных факторов во многом предопределил и специфику советской индустриальной модернизации, в значительной степени унаследованной от старой России, включая и урбанизационный процесс.

Стартовые позиции, с которых началась советская урбанизация, оказались очень трудными и невыигрышными. Революция, гражданская война катастрофическим образом отразились на положении российского города. С 1913 по 1920 гг. городское население на всей территории СССР сократилось с 28,5 до 20,9 млн человек, или на 26,7%, а на территории РСФСР — с 15,7 до 12,6 млн, то есть почти на 20%. Доля городских жителей в составе населения по СССР сократилась с 17,9% в 1913 г. до 15,3% в 1920 г. в целом по СССР и с 17,9 до 14,2% на территории РСФСР (в границах 1990 г.)¹. Потери городского населения были осо-

бенно ощутимы в Европейской России, где были сосредоточены наиболее крупные промышленные центры, пострадавшие от разрухи. С 1917 по 1920 гг. городское население региона сократилось на одну четверть (9,2 млн в 1920 г. против 12,7 млн в 1917 г.), а Москва и Петроград потеряли около 60% своих жителей². Лишь с началом НЭПа, оживившим торговлю и промышленность, города стали возрождаться, что вело и к постепенному увеличению численности городского населения. Быстрее других регионов восстановление городов и городского населения происходило в Европейской России, где с 1920 по 1923 гг. прирост городского населения составил 18,3% (на Украине – 7,1%), однако в некоторых частях страны численность городского населения почти не менялась (Северный Кавказ, Дагестан), а в Поволжье, пострадавшем в 1921 г. от голода, еще более сократилась. Таким образом, в период гражданской войны происходила «ситуационная дезурбанизация», а в условиях НЭПа – преимущественно восстановление городов и городской жизни, в чем-то даже возвращение к дореволюционным механизмам городского развития. Однако восстановить дореволюционную численность городского населения не удалось в целом по стране даже к 1926 г. (1913 г. – 28,4 млн, 1926 г. – 26,3 млн). А ведь урбанизационные процессы являлись прямым следствием процессов экономических.

НЭП явился инструментом оживления и восстановления разрушенной военными и революционными потрясениями экономики, в основном на базе загрузки созданных еще в дореволюционный период производственных фондов. Однако перед страной стояли принципиально иные задачи, вызванные к жизни не только установками партии на «строительство социализма», но более прагматичными задачами укрепления обороноспособности СССР ввиду враждебного «капиталистического» (а в большей степени геополитического) окружения, витавшей в воздухе опасности «большой войны».

Поэтому судьба НЭПа была предрешена не столько идеологическими причинами, сколько военно-экономическими. Выполнив свою функцию инструмента «реанимации» народного хозяйства, он не мог стать эффективным инструментом развития, тем более ускоренного, форсированного, который настоятельно требовался реальными потребностями страны. На смену модели «оживления» экономики должна была прийти модель «мобилизации». Впрочем, и она отнюдь не была изобретением большевиков и их наследника И.В. Сталина. И в дореволюционной России применялись отдельные мобилизационные механизмы (например, при форсированном развитии железнодорожной сети, имевшей не только экономическое, но и военно-стратегическое значение; особенно в условиях Первой мировой войны для обеспечения задач снабжения армии, а затем и в целом обеспечения функционирования экономики). Мобилизационный опыт «военного коммунизма» также имел мобилизационную природу, но он был направлен не на развитие, а на выжива-

ние возникшего на развалинах империи Советского государства в условиях гражданской войны и иностранной интервенции.

В конце 1920-х – 1930-е гг. альтернативой мобилизационной модели форсированного развития были утопические идеи (обсуждавшиеся как в партии, так и в околопартийных кругах), например, Чаянова и других, предлагавших включение крестьянских хозяйств в индустриальное общество через потребительскую кооперацию и т. п. Однако сложившаяся в результате революции хозяйственная система деревни в целом была тупиковой. Декрет о земле в ноябре 1917 г. и «Основной закон о социализации земли» в январе 1918 г. передавали право распоряжения землей волостным земельным комитетам и уездным советам крестьянских депутатов. Уравнительность землепользования и периодические переделы, унаследованные от общины, обрекали хозяйства на бесконечное дробление и увеличение маломощности. И если сначала, из-за освоения крестьянством помещичьих и др. земель, основной тенденцией было «осереднячивание» (причем с двух сторон: уменьшение числа как бедняцких, так и кулацких хозяйств), то с 1928 г. проявились новые тенденции – увеличение доли хозяйств без рабочего скота и пахотного инвентаря. При этом, как показало выборочное обследование летом 1929 г., подавляющее большинство крестьян видело свои перспективы в развитии индивидуального хозяйства: 92,3% хозяйств хотели вести общинную форму землепользования, 6,5% – коллективную и 1,2% – участковую³.

Преобладающие настроения крестьянства как средневекового сословия явно противоречили задаче рывка к индустриальному обществу, которая была не столько следствием идеологических установок коммунистической партии, сколько ситуации «исторического цейтнота», с которой столкнулась страна в результате всего предшествующего развития. И курс на форсированную индустриализацию – в теснейшей связке с коллективизацией на селе – был вынужденным прагматическим решением власти, возложившей на себя ответственность за судьбу страны.

Все иные альтернативы были либо полностью утопичны, либо много хуже. Даже при самых благоприятных условиях реализация их была рассчитана на многие десятилетия. Все альтернативные идеи имели мало общего с грубой социальной реальностью, требовавшей преодоления отставания одним быстрым рывком. И главными были не только и не столько внутренние сложные процессы (которые тоже, при стагнирующих тенденциях НЭПа, снижении товарности крестьянских хозяйств, периодически обострявшихся противоречиях между городом и деревней, угрожали социальными потрясениями), сколько международный контекст существования СССР и в специфических исторических формах. Внешняя угроза в решающей степени предопределила выбор путей преобразований. Ее прекрасно понимала власть. Откуда и кем будет нанесен удар? Его ждали отовсюду. Советская элита чувствовала нарас-

тавшую внешнюю угрозу. Советская Россия вполне обоснованно опасалась угрозы со стороны соседей. Нам сегодня удивительно, но как реального, опасного врага рассматривали даже Польшу, а также Финляндию, Румынию и другие страны, за которыми в действительности стояли крупные западные державы. Вполне реальной была и японская агрессия. Особенно реальные очертания внешняя угроза обрела после прихода к власти Гитлера в Германии.

Внешнюю угрозу предвидел Сталин, который в 1931 г. заявил: «...Мы не хотим оказаться битыми. Нет, не хотим. История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били за отсталость... Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут...»⁴ «Нас» — это не только коммунистов, стоявших у власти, но и страну. А как может рассыпаться страна, историческая Россия, мы наблюдали и в 1917–1920 гг., и в 1991 г. А впереди — через 10 лет — был 1941 год...

Вот где корень курса на форсированную модернизацию под названием развернутого «социалистического строительства», «социалистического наступления» и т.п. НЭП как период восстановления и относительного застоя сменился курсом на форсированную индустриализацию, который реализовывался в рамках «мобилизационной модели» экономического развития, и в нем деревне отводилось свое место.

* * *

Прежде чем говорить о мобилизационной экономике, следует определиться с тем, что же такое экономика вообще. Производство материальных благ (при всей значимости сегодня «производства информации») — основа жизни любого общества, поэтому оно — ключевой момент для понимания экономики. Термин «экономика» происходит от греческого слова, означавшего рациональное ведение домашнего хозяйства, что в дальнейшем было распространено на хозяйство целых стран и народов. Экономика в интересующем нас контексте имеет два основных значения: 1) совокупность производственных отношений конкретных обществ, включающих также обмен и распределение; 2) народное хозяйство данной страны или его часть, включающая, в частности, соответствующие отрасли и виды производства. Нас в основном интересует экономика в первом значении, тогда как во втором она является средой и предметом экономических отношений.

Экономику следует рассматривать только как часть общественного организма, обеспечивающую его жизнедеятельность и жизнеспособность. А способы этого обеспечения могут быть разными, причем в этом деле возможны два полярных и множество промежуточных вариантов. Один полюс — это предельная свобода многочисленных производителей (они же — собственники), выходящих на рынок для обмена результатами своего труда (как, например, в античных демократических городах), и жесткое

регулирование отношений производства, обмена, распределения верховной властью, которая является также верховным собственником (пресловутый «азиатский способ производства»). Но что интересно: все демократии античности раньше или позже подпали под власть тирании, и даже Древний Рим перешел к централизованному распределению хлеба в эпоху императоров. Азиатские общества в действительности имели патерналистскую идеологию, в которой верховная власть — при крайне низком прибавочном продукте и рискованном характере земледельческого производства — обеспечивала «подушку безопасности», накопление стратегических резервов продовольствия и других ресурсов на случаи катаклизмов — неурожая, войн и т. п. экстремальных ситуаций. «Свободный рынок» ориентирован на получение прибыли, а значит, и расширенное воспроизводство, которое не срабатывает в экстремальных ситуациях. Но в том-то и дело, что некоторые общества постоянно живут в экстремальной ситуации, на грани выживания — по разным причинам, природным и социальным.

В конечном счете в истории каждым конкретным обществом модель экономического развития выбирается та, которая обеспечивает ему лучшие условия существования, или, если общество ошибается, оно гибнет — как самостоятельное государство, этнос, даже цивилизация.

Экономическое развитие никогда не бывает самоценным, самодостаточным, а всегда определяется совокупностью условий и факторов разного порядка, внутренних и внешних, некоторые из которых относительно стабильны для данной страны (природно-географические и климатические условия, базовые цивилизационные параметры), другие условия — относительно устойчивы, но могут меняться с течением времени (размер территории, социокультурные характеристики, внешнее окружение), третьи могут быть ситуационными, хотя нередко — судьбоносными (например, соотношение сил на региональной или мировой арене, международная экономическая конъюнктура и др.). В случае действия, временного или постоянного, совокупности неблагоприятных условий и факторов общество начинает жить в режиме выживания, когда ресурсы, даже часть необходимых для нормального функционирования отдельных членов общества, концентрируются для решения задач выживания общества как целого. Это бывают экстренные ситуации, например, войны, голод, природные катаклизмы, и ситуации длительного порядка, даже постоянные, если общество живет в экстремальных природных условиях. Существование России как цивилизации отличалось тем, что она рождалась и развивалась в контексте постоянного действия неблагоприятных факторов (природная среда, рассеяние в огромном пространстве населения, невыгодность многих видов производства и потери при обмене, агрессивное геополитическое окружение, и др.), которые дополнялись еще и неблагоприятными ситуационными факторами или экстремальной актуализацией постоянных неблагопри-

ятных факторов (природные катаклизмы, неурожай и голод, войны, и т. д.). Крайне высокие риски должны были быть уравновешены общегосударственной страховкой. Отсюда закономерная централизация власти и собственности, стремление к концентрации ресурсов в руках этой власти, ограничения инициативы частных «игроков рынка» и т. д. Отсюда — мобилизационные элементы в российской экономике на протяжении многих столетий, а в некоторые периоды — приобретение экономическим развитием собственно мобилизационного характера.

Экономика не существует «сама по себе», она — определенная часть общества как системы, а именно та его часть, которая обеспечивает материальные основы его выживания, функционирования и развития. Но поскольку общества исторически, социокультурно, территориально (по географическим, климатическим, иным природным условиям), «ресурсно», «масштабно», геополитически и т.д. очень различаются, то и их экономические механизмы различны, они могут быть адекватны или нет всему комплексу этих параметров, а также объективных задач конкретного общественного организма (страны) в конкретно-исторических условиях. Такова диалектика, ценившаяся в марксизме, «забытая» догматиками марксизма-ленинизма, особенно на последних этапах советской истории и практически не принимаемая во внимание современными общественными науками.

Однако, оказываясь в экстремальных ситуациях, экономики разных стран начинают действовать поразительно однотипно. Например, это было продемонстрировано в Первую мировую войну: «Мировая война резко, — пишет Мау В.А., — усилила потребность в координации деятельности всех участников хозяйственной жизни. Централизованное планирование экономики стало активно внедряться в практику основных воюющих держав, причем формирование этой системы шло как бы с двух сторон»⁵ — снизу, со стороны существующих представительных органов частного капитала, стремившихся сосредоточить в своих руках распределение военных заказов, и сверху, когда правительство создавало специальные органы для решения ключевых проблем функционирования военной экономики. «Именно этот путь и стал основным», — отмечает с огорчением данный либеральный автор, объясняя такое решение опасением власти, что подобные предложения крупных промышленников могут таить ей самой угрозу. Скорее другими опасениями, добавим мы, — непомерной алчностью промышленников, которые без зазрения совести наживались на казенных поставках, разоряя казну и мешая тем самым достижению мобилизационной цели в ситуации войны — достижению победы и выживанию собственной страны. «Основные задачи регулирования экономики в военный период правительство видело в четком обеспечении производства материальными ресурсами, а населения (и особенно армии) — продовольствием. ...На первое место выдвигались проблемы хлеба, вооружений, топлива и транспорта»⁶. Ры-

нок, как мы видим, в экстремальных условиях не справлялся, и власть вводила и госзаказы, и фиксированные цены, и ограничение свободы торговли, реквизицию продуктов и др. Тогда же было усилено налогообложение крестьянства. В Англии и Германии шли аналогичные процессы. Централизация (закономерно, подчеркнем мы) продолжалась и при Временном правительстве, которую пытались противопоставить ускорявшемуся распаду хозяйства, плановое регулирование приветствовали разные слои, включая предпринимателей.

Эстафета централизации была передана Правительству народных комиссаров. Даже либеральный экономист В.А. Мау признает, что военно-коммунистический эксперимент был не только продуктом программных требований радикальной социал-демократии, но стал «естественным этапом в поиске новой экономической системы, которым на самом деле жила вся страна» и «был подготовлен предшествующим развитием российского хозяйства...»⁷

После революции в России была создана собственная, национально ориентированная модель хозяйства, существенно отличавшаяся от западной либерально-рыночной и опирающаяся на социокультурные основы страны. Большевизм был «переварен» Россией, превратившись с 1930-х гг. — в политической практике — в разновидность «почвеннического» течения с леворадикальной марксистской риторикой. На деле он воплощал в жизнь стратегию модернизации с опорой на собственные силы и в национальных интересах страны, причем на ряде этапов не догоняющего, а опережающего развития. Если имперско-либерально-рыночная модель ранней индустриализации страны провалилась, то советская индустриальная модернизация в 1930-е — 40-е годы оказалась успешно реализованной на этатистской нерыночной основе. Иными по сравнению с Западом методами был получен аналогичный результат — становление раннеиндустриальной системы. Это свидетельствует о том, что советская смешанная двухсекторная государственно-кооперативная «нерыночная» модель была вполне адекватна задачам ранне индустриальной стадии.

Начиная с конца 1920-х гг. это была «мобилизационная экономика», то есть такая, которая была ориентирована на форсированное развитие за счет мобилизации основных ресурсов, концентрации их в руках государства (органов централизованного управления) и направления на решение ключевых задач, выдвинутых в данный период государственной властью. Особенность мобилизационной экономики заключается в том, что она была подчинена иным, внеэкономическим целям, в том числе стратегическим: «догнать и перегнать», «достигнуть наивысшей в мире производительности труда», «создать материально-техническую базу коммунизма», т.е. некоей идеальной модели общественного устройства на началах «социальной справедливости», в целом принятой большинством населения; тактическим: создать индустриальную базу экономи-

ки, провести «культурную революцию», поднять материальное благосостояние и т. п. Были и внешние цели, выходявшие на первый план: выжить и победить в «горячих» войнах и в «холодной войне».

Степень «автономности» советской экономики от этих, более общих и «высоких» внеэкономических целей была минимальной. По сути, она была включена, жестко «вписана» в единый общественный организм, который ряд политологов и идеологов называют «тоталитарной моделью». Оценка «тоталитарной» парадигмы выходит за рамки наших задач и в значительной степени находится в аксеологическом (ценностном) поле. Нас здесь советская модель интересует лишь с одной — прагматической — стороны, а именно ее способность мобилизовывать ресурсы для обеспечения фундаментальных интересов общества. В том числе то, как она обеспечивала выживание страны и общества в экстремальных ситуациях на грани «жизни и смерти» — в ситуациях войн и мирных периодов, которые на деле являлись состоянием балансирования «на грани» и требовали подчас не меньших мобилизационных усилий, чем состояния военных конфликтов. Ведь вся советская история была своего рода «экстремальным периодом», состоявшим из ряда этапов и по-своему подвергавшим испытаниям советскую экономическую модель.

В отличие от рыночной модели, советская мобилизационная модель опиралась преимущественно на государственную или максимально контролируемую государством общественную собственность, использовало преимущественно не категории материального интереса, выгоды и т. п., а совокупность внеэкономических механизмов (внеэкономическое принуждение, социальную мобилизацию). С внеэкономическим принуждением все относительно ясно («не хочешь — заставим» — эта формула применялась по отношению к «социально чуждым элементам», да и остальному «несогласному» населению и реализовывалась и в законодательстве, и в практике). Но этого было недостаточно. Для успеха в реализации выдвигаемых целей необходима была их добровольная и энергичная поддержка обществом, большинством населения, массовый энтузиазм, формы организации, объединяющие и направляющие широкие слои. Инструментами ценностно-психологической мобилизации являлись «советская» идеология и, на ее основе, агитация и пропаганда. Институтами социальной мобилизации были партия, общественно-политические и общественные организации (советы, профсоюзы, комсомол, творческие союзы и др. «приводные ремни»), экономические «ячейки» (предприятия: заводы, колхозы, организации и их трудовые коллективы). Формами социальной мобилизации в экономической сфере являлись трудовые почины, социалистическое соревнование и др., позволявшие использовать инициативу и творчество масс, выступавшие важным элементом мотивации труда. Следует отметить широту и системность охвата населения институтами, инструментами и формами соци-

альной мобилизации, которые в значительной своей части были включены в решение задач мобилизационной экономики.

По восходящей осуществлялось развитие советской экономики и в 1950-е – середине 1970-х гг., хотя и с угасанием темпов экономического роста. В этот период в мире происходила следующая волна модернизации, обеспечивавшая развертывание НТР, становление зрелого индустриального, а затем и постиндустриального общества. Решение задач этого этапа давалось советской экономике с трудом, хотя она вывела страну в лидеры по ряду направлений НТР (космос, новейшие вооружения, атомная промышленность и др.). Советская экономическая модель претерпела существенные изменения в рыночном направлении, хотя они и были не системны, половинчаты. Они повышали динамизм экономического развития, но на краткосрочный период. Вместе с тем оно было вполне успешным с точки зрения основных мировых показателей. Более того, можно сказать, что советская модель экономики была уникальна и высокоэффективна в решении задач, которые перед ней ставились. Она показала, что рыночная экономика далеко не универсальна, что иными способами можно достигать аналогичных или более существенных результатов.

Объективным критерием оценки любой хозяйственной системы могут быть только полученные экономические и социальные результаты. Такими критериями могут стать рост ВВП СССР в сравнении аналогичными показателями других стран за тот же период, изменение места экономики страны в мире. Так, ВВП СССР вырос с 1950 по 1980 гг. почти в 4 раза, что было существенно больше, чем в США, крупнейших европейских странах и уступало лишь Японии. Аналогичные сопоставления характерны для такого показателя, как ВВП на душу населения. В результате экономических успехов укреплялись и мировые позиции СССР, превратившегося именно в этот период в одну из двух сверхдержав, обеспечившую военно-стратегический паритет с США. Можно ли говорить о полной неэффективности такой экономики, такой хозяйственной системы?

Другой вопрос, что на новый модернизационный вызов при решении задач перехода к постиндустриальному обществу власть не смогла дать адекватного ответа, и прежде всего в экономической сфере. Ряд достоинств советской экономики на ранних стадиях превращался в недостатки в иных условиях.

* * *

Форсированное экономическое развитие СССР в рамках мобилизационной модели осуществлялось в огромной степени за счет человеческих и материальных ресурсов деревни.

Коллективизация деревни явилась частью этого курса, имея целью как обеспечить ресурсами задачу индустриализации, так и преобразо-

вать саму деревню не только в социалистическом, но и в современном индустриальном духе. Тактическая задача состояла в эффективном вовлечении материальных и людских ресурсов деревни в форсированную индустриализацию. Стратегическая задача — в индустриализации не только города, но и села. И советская власть эту задачу в значительной степени выполнила: уже через несколько лет сначала предоставили селу тракторы, затем — комбайны, новые технологии и научные методы земледелия, затем, через много лет после Великой Отечественной войны, начали создавать в 1960-е — 70-е годы агропромышленные комплексы, что, к сожалению, было сделано в ограниченных масштабах и недостаточно эффективно.

Деревня стала одним из важнейших источников средств и в условиях сталинской индустриализации 1930-х, и в условиях Великой Отечественной войны, и для послевоенного восстановления разрушенного народного хозяйства, для послевоенного развития индустрии, в том числе ВПК, столь значимого в условиях «холодной войны», которая не раз грозила перерасти в «горячую» термоядерную войну.

Можно привести немало цифр, характеризующих этот драматический процесс: и сокращение удельного веса сельского населения с почти 82% в начале 1920-х гг. до 26% в конце 1980-х гг.; и миллионные жертвы неоднократно охватывавшего страну голода. До революции голод был обычным явлением: отдельные регионы голодали почти каждый год, но самые крупные бедствия массового голода случились в 1891—1892 гг., начале 1920-х гг., начале 1930-х гг. Наряду с природными факторами у них были разные социальные причины, но жертвами становилось преимущественно сельское население.

В этом же ряду такие процессы, как вытеснение крестьян из деревни при одновременном притяжении городом: до революции — из-за аграрного перенаселения и социального расслоения; позднее нарастали и доминировали процессы притяжения городским образом жизни, формы набора трудовых ресурсов для строек индустрии и т. д. Социальное пространство деревни сжималось и трансформировалось. Крестьянство принесло наибольшие человеческие жертвы в двух мировых и гражданской войнах, вынесло на своих плечах наибольшие тяготы становления индустриального общества.

Судьба деревни везде оказывалась драматичной: происходило уничтожение деревни как традиционного уклада жизни, а крестьянства как «реликтового» сословия эпохи средневековья, замена «неэффективного» крестьянского производства «для жизни» — аграрным капиталистическим производством для максимального получения прибыли. Но там, где скорость изымания ресурсов из деревни для нужд городского развития была наибольшей, историческая драма деревни «сжималась» во времени в масштабах жизни одного-двух поколений и затрагивала поголовно все сельское население.

В Западной Европе — со времен английского «огораживания» — это значит — и максимальное сокращение сельского производительного населения, которое сегодня в развитых странах составляет 5–10% населения страны, а в наиболее развитых 2–3% фермеров кормят все остальное население.

Магистральным путем в индустриальную эпоху были индустриализация и урбанизация, причем не только города, но и деревни, ускоренные, преодолевавшие отставание страны. Ни столыпинская реформа, ни решение земельного вопроса по крестьянским наказам большевиками этого обеспечить не могли. Столыпинская реформа консервировала помещичье землевладение, обрекая крестьян на сотню лет мучительно-го социального расслоения, НЭП реализовывал крестьянскую тупиковую модель дробления наделов, усиления маломощности крестьянских хозяйств, модель стагнации, а не развития.

Советская «колхозная революция» была более ускоренным и, при всей жестокости методов коллективизации, в значительной степени «щадящим вариантом» перевода сельского хозяйства на индустриальные рельсы, вписывания деревни в индустриальное общество. В отличие от столыпинской реформы, она использовала общинные и квазиобщинные установки крестьян и формы организации жизни. Можно сказать, что советская колхозная (а частью и совхозная) модель аграрного производства, при всем драматизме судьбы советской деревни, во многом законсервировала и длительно сохраняла крестьянство как традиционную социальную категорию с его ментальностью и укладом жизни. И при этом, если сравнивать с западным фермерским хозяйством, была в масштабах общества весьма экономически эффективна. На современных западных фермеров работает мощнейшая инфраструктура, в том числе городская, и аграрный сектор практически везде живет на дотации государства, тогда как советские колхозы — вплоть до 1960-х гг. — отдавали обществу гораздо больше, чем получали от него, и лишь позднее вливания частично уравновесили или стали превышать отдачу.

Еще во второй половине 1920-х гг. в российской деревне основная хозяйственная деятельность строилась на основе возделывания небольших участков земли примитивными орудиями труда. Механизация и уж тем более электрификация труда, ставшие к тому времени привычными для передовых стран Запада, особенно США, практически отсутствовали. К 1927 г., когда на XV съезде партии был взят курс на коллективизацию, 25 млн крестьянских хозяйств имели в среднем 5 га пашни, одну лошадь, 2–3 работника при 5–6 едоках⁸. Коллективизация, лишавшая крестьян хозяйственной самостоятельности и ломавшая привычный уклад, вступала в противоречие с интересами наиболее зажиточной части деревни («кулачество») и вызвала довольно широко распространенное сопротивление. Сначала активное, а затем и пассивное. Тем не менее, в течение 1929–1932 гг. удалось коллективизировать преобладающую часть

крестьянских хозяйств, а ко второй половине 1930-х гг. коллективизация была в целом завершена.

Колхозам и совхозам теперь принадлежала подавляющая часть посевных площадей страны. Объединение крестьян в колхозы создавало крупные земельные массивы, которые можно и целесообразно было обрабатывать современной техникой — тракторами, комбайнами и др. Началась техническая модернизация сельского хозяйства, повышавшая производительность труда, обеспечивавшая высвобождение рабочей силы для индустрии, рост доходов крестьян. Но становление новой хозяйственной системы на селе и отладка ее взаимодействия с государством заняли несколько лет и проходили крайне драматично: разразился продовольственный кризис, усугубленный неурожаем 1932 г.; произошел массовый голод, от которого погибли миллионы крестьян, причем масштабы смертности до сих пор являются как предметом споров между специалистами, так и объектом политических спекуляций. Причиной массовой смертности от голода стали просчеты в экспортной политике государства: оно направляло для оплаты приобретаемой техники и технологии в целях индустриализации огромные объемы зерна за границу и заключало жесткие контракты на экспортные хлебопоставки без учета возможных неурожаев. Непосильные масштабы хлебозаготовок изыали из села не только «товарный» хлеб, но и посевной, необходимый для питания населения.

* * *

Всегда трудно жить в эпоху перемен, когда меняются привычные уклад жизни и быта, мировоззрение, система ценностей. Особенно трудно и больно, когда происходит их слом, быстрый и радикальный. Когда реальная жизнь безжалостными, но весомыми фактами вламывается в устоявшиеся, уходящие корнями во многие слои поколений прашуров уклад жизни, ценности и мировоззрение. Но именно это и произошло в России в XX веке, когда на протяжении жизни одного-двух поколений произошла глубочайшая трансформация — вытеснение деревни городом и становление городского, урбанизированного общества.

Нет оснований идеализировать колхозы и советскую коллективизацию. Но коллективизация деревни выполнила свои исторические задачи, обеспечив в связке с индустриализацией создание оборонного потенциала страны, оказавшегося способным выдержать Вторую мировую войну и победить фашистскую Германию, противостоять потенциалу почти всей Западной Европы.

Меняла коллективизация, особенно в контексте проникновения достижений индустриализации в деревню, и социальную жизнь села. Прежде всего, это относится к сфере трудовой деятельности крестьянства. Внедрение техники в сельскохозяйственное производство, механизация труда, с одной стороны, вели к специализации труда на селе, созданию

и распространению новых профессий, повышению квалификации достаточно широких категорий колхозного крестьянства; с другой — облегчали тяжелый физический труд и позволяли вовлекать женщин в общественное производство. Если в 1930 г. в колхозах количество женщин, вовлеченных в общественное производство, было вдвое меньше мужчин, то во второй половине 1930-х гг. оно сравнялось, хотя женщинам, как правило, предоставлялась более легкая работа и они больше мужчин были заняты в домашнем хозяйстве⁹. Этот процесс нельзя оценивать однозначно, но он шел в русле общемировых тенденций эмансипации женщин.

Постепенно начал заметно расти и уровень жизни колхозных крестьян. Конечно, этот рост мог быть существенно большим, но из деревни изымались огромные средства на решение общегосударственных задач — создание передовой индустрии прежде всего в целях повышения обороноспособности, ведь при общем среднегодовом росте промышленности в 7–12% собственно военная промышленность в предвоенные годы росла на 30–35% в год, а в отдельные годы и больше. Хотя и этого оказалось недостаточно для того, чтобы встретить начало Великой Отечественной войны во всеоружии. Проведенная форсированная индустриализация, невозможная без сопутствовавшей ей коллективизации деревни, обеспечила материальную базу победы, без которой не только СССР, но и в целом государственность составлявших его народов была бы уничтожена, да и сами народы подверглись бы порабощению и физическому уничтожению.

Колхозная деревня стала опорой и послевоенного восстановления экономики, а также поддержания обороноспособности страны в условиях одновременно развертывавшейся «холодной войны». Те draconianские налоги, которыми обложили деревню после войны, были вынужденными. А вот хрущевские эксперименты над деревней, в том числе свертывание приусадебных участков (как и новый виток преследования церкви, и возобновление коммунистической экспансии, на которую стали тратить колоссальные средства), были скорее рецидивами троцкизма и «левого коммунизма», от проявлений которых в свое время давно избавился Сталин.

В течение XX века, преимущественно в советский период до начала 1990-х гг., произошли грандиозные позитивные сдвиги: радикально повысилась техническая вооруженность труда в деревне, уровень агрокультуры, качество жизни, в которую активно проникали городские черты (электричество, газ, бытовые приборы и т. д.). Изменились и сами сельские жители, получившие в советское время доступ ко всеобщему среднему образованию, современным профессиям. Да и в городе почти вся советская элита к 1970-м гг. — политическая, военная, интеллектуальная — была родом из деревни, большинство горожан родились на селе либо были детьми или внуками крестьян. Дорога для социального продвиже-

ния в советскую эпоху была весьма широко открыта для всех слоев. Стеная и жалуюсь на все драматические перипетии крестьянства, многие писатели-деревенщики и историки-аграрники забывают, как разительно стала отличаться деревенская жизнь 1970-х — 80-х гг. от жизни доминирующей части крестьянства в начале XX века. Неоднократные укрупнения хозяйств, вытеснение колхозов совхозами с государственной собственностью, но гарантированной зарплатой и социальным обеспечением, существенная техническая база при различном уровне технической вооруженности и эффективности производства, рост уровня образования и качества жизни сельчан — все это характеризовало основные тенденции развития села.

Вместе с тем из деревни в город уходила молодежь, ориентированная (в том числе средствами массовой информации и системой образования) на городские ценности, качество и образ жизни. Широко распространились пьянство, нежелание трудиться в государственном и колхозном секторах. Крестьянин вообще утрачивал тягу к крестьянскому труду. То есть процессы были весьма противоречивы.

* * *

Можно сколько угодно ностальгировать по поводу исчезновения старой традиционалистской деревни, ее жизненного уклада, быта, ценностей, культуры, мироощущения и т. д., но факт остается фактом: крестьянство в современном обществе — как сословие общества традиционно — обречено.

Советская колхозная модель в чем-то ускорила этот процесс «раскрестьянивания» деревни, а в чем-то затормозила его, «законсервировала» крестьянство — пусть и в специфических формах, но с опорой на традиционную коллективистскую квазиобщинную ментальность.

Жертвы российского крестьянства в XX веке не были напрасными. Они помогли сохранить Россию как независимое государство во Второй мировой войне и предотвратить перерастание «холодной войны» в термоядерную войну. И вопрос состоял отнюдь не только в идеологическом противостоянии двух систем и военно-политических блоков, но, главным образом, в геополитическом противостоянии с Западом. Поэтому при всем нашем осуждении крайних насильственных мер в отношении села в эпоху коллективизации нужно подчеркнуть, что жертвы, принесенные всей страной и особенно российской деревней для обеспечения индустриальной и военной мощи, отнюдь не были напрасными: они позволили уберечь страну, по крайней мере часть ее исторического ядра, от уничтожения; сохранить народы, живущие сегодня на «постсоветском пространстве». После «лихих 1990-х» и стагнирующих нулевых дальнейшая судьба российского села, включая его социальное развитие, зависит от общегосударственных перспектив России, от того, сумеет страна действительно встать на рельсы нового этапа модернизации.

ции или дело ограничится абстрактными призывами и разговорами об «инновациях». Если же всерьез будет взят курс на модернизацию страны, без учета исторического опыта советской мобилизационной модели развития не обойтись, включая и аграрную сферу.

Примечания

¹ См.: Население СССР. 1987: стат. сб. М., 1988. С. 8.

² Жиромская В.Б. Советский город в 1921–1925 гг.: проблемы социальной структуры. М., 1988. С. 45.

³ См.: Солдаткин А.П. Крестьянский мир и Советская власть накануне «Великого перелома» // Мир крестьянства Среднего Поволжья: итоги и стратегия исследований. Самара, 2007. С. 387–388.

⁴ Сталин И.В. Собрание сочинений. Т. 13. С. 38–39.

⁵ Мау В.А. Очерки становления централизованного государственного управления хозяйством России // Экономическая история: хрестоматия. Т. 1. М., 2007. С. 432.

⁶ Там же. С. 432–433.

⁷ Там же. С. 435–436.

⁸ Наухацкий В.В., Денисов Ю.П. Аграрная политика и модернизация российской деревни второй половины XX века: противоречия и тенденции. Ростов н/Д., 2009. С. 16.

⁹ 20 лет Советской власти: стат. сб. М., 1937. С. 93.

*О.М. Вербицкая**

Коллективизация деревни в условиях становления советской мобилизационной экономики**

Для того чтобы выстоять в экономическом и военном противостоянии с Западом, советское руководство во второй половине 1920-х гг. разработало план индустриальной модернизации. Сложность реализации цели требовала использования чрезвычайных средств и чрезвычайных же организационных форм.

Аграрный сектор должен был стать одним из важнейшим компонентов мобилизационной экономики, для чего предстояло осуществить

* © Вербицкая О.М., 2011

** Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект №10-01-00348а.